



ЦИКЛ
" Орлы "

Овертайм

Сэйв

Аккорд

Драфт

АВА ХОУП

Овертайм



МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
X85

Редактор серии *Екатерина Дмитриева*
Иллюстрация на переплете *Katrina*
Иллюстрации в блоке *Киры Мори*
Дизайн обложки *Екатерины Петровой*

Хоуп, Ава.

X85 Овертайм: [роман] / Ава Хоуп. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-188595-3

Эбигейл

Знаменитый капитан хоккейного клуба «Орлы Лос-Анджелеса» — именно тот, о ком я грезила в своих мечтах на протяжении семи лет. В реальном мире он оказался кретином, страдающим нарциссизмом. Это должно было оттолкнуть меня, если бы не одно «но»: целый год нам предстоит жить под одной крышей. Есть ли у меня хоть малейший шанс на победу в этой сложной битве с собственным сердцем?

Рид

До встречи с этой горячей фигуристкой я точно знал, чего ожидать от завтрашнего дня. А теперь моя жизнь похожа на хаос. Кажется, я готов бросить все, потому что хочу ее. Вот только она упорно продолжает делать вид, что не заинтересована. Что ж, я дам ей время, а затем перейду в атаку. Ведь чем сложнее игра, тем слаще вкус победы. Но вдруг у меня нет шансов даже в овертайме?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-188595-3

© Хоуп А., 2023
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2023

Мамонты не вымерли.
Они вселились в тела хоккеистов.



ГЛАВА 1



FIGHT THE FADE — DEVIL

Эбигейл

Февраль 2022 года. Турин, Италия

Сейчас не лучший момент для знакомства, но эта рыдающая блондинка с размазанной на половину лица тушью — я, Эбигейл Уильямс. Другого времени познакомиться может и не быть, потому что, кажется, я скоро умру.

Думаю, у меня Юстинианова чума.

Да, я уверена, что смертельно больна. И заразна.

И раз я чертовски заразна, в мои планы не входит куда-то выходить из своего гостиничного номера до окончания Олимпийских игр.

Ну если я не умру раньше, естественно.

Вместо того чтобы присоединиться к остальным фигуристам сборной Канады, отправившимся в ресторан для празднования итогов Олимпиады, я сразу же поднялась к себе в двухкомнатный люкс, где вот уже целых два часа лежу на большом пушистом диване посреди комнаты и жалею себя.

Мой телефон разрывается от звонков и невероятно раздражает меня, поэтому я ставлю его на авиарежим и бросаю на круглый стеклянный журнальный стол у дивана.

Какого черта всем понадобилось от умирающего человека?

Со мной точно что-то не так. Моя голова раскалывается, будто кто-то бьет по ней молотком.

А, нет, это просто кто-то стучит в дверь.



— Уходите! У меня Юстинианова чума! — громко кричу я.

— Эбби, этот вид чумы закончился в середине восьмого века. Открывай, — усмехнувшись, просит мой брат, стоящий по ту стороны двери.

Гребаный умник.

А то я не знаю, что Юстиниан Великий был византийским императором до 565 года.

— Значит, Эбола! — снова кричу я, не собираясь сдаваться. — Я не могу тебе открыть. Не заставляй меня так поступать с тобой! Ты еще слишком молод, чтобы умирать!

— Эбс,пусти меня, — настаивает Эштон.

Выругавшись, запрокидываю голову к потолку и, с громким стоном подняв свою задницу с дивана, направляюсь к двери.

Как считаете, есть ли хоть малейший шанс, что брат не узнает меня и, решив, что ошибся номером, уйдет? Ведь мое лицо определенно очень сильно опухло, учитывая, что я реву уже два часа. И тушь размазана вокруг глаз большими пятнами, словно по дороге в номер я побывала на детском празднике, где аниматор сделал мне аквагрим панды. Вдобавок ко всему вышеперечисленному мой образ дополняют спутанные после выступления волосы, наспех собранные в дульку бомжа.

Набрав полные легкие воздуха и шумно выдохнув, сдаюсь и открываю дверь.

— Какого хрена ты игнорируешь меня? — наклонив голову, спрашивает прислонившийся к стене напротив моего номера Эштон, глядя на меня своими светло-голубыми глазами.

Эти глаза цвета льда — единственное, что делает нас с братом хоть немного похожими. Во всем остальном мы настолько разные, что нас постоянно спрашивают, кто из нас приемный. Я блондинка, он брюнет.

Я достаточно миниатюрна, в то время как брат огромен. При своем довольно немаленьком росте в сто шестьдесят шесть сантиметров я едва достаю Эштону макушкой до плеч, его рост около ста девяноста пяти сантиметров. Вот и сейчас он разговаривает со мной свысока, что за несправедливость? Бесит!

— Советую тебе тщательнее подбирать слова! Возможно, мне осталось жить всего несколько минут или даже секунд! — срываюсь на крик, раздосадованная тем, что он все-таки узнал меня.

— Иди сюда. — Братец протягивает свои мускулистые, как у Халка, руки и ловит меня в объятия. — Мне жаль, что Дилан так поступил.

Господи боже!

Серьезно?!

Обязательно было упоминать этого придурка?

Он же бросил меня!

Ну не в том смысле, что расстался со мной, боже упаси!

Мы с Диланом не пара. Мы партнеры на льду и друзья. Не вздумайте убеждать меня, что дружбы между парнем и девушкой не бывает. Я даже не хочу спорить на эту тему и скажу лишь, что лично я не влюблена в него как в мужчину. И никогда не была. Он мне как брат. И я точно не планирую быть замешанной в инцесте. Аминь.

Хотя если вдруг Netflix решит снять про меня сериал, то есть вероятность, что мне придется быть замешанной в чем-то и похуже, потому что от этих ребят реально можно ожидать чего угодно.

Но, может быть, все не так уж и плохо: до сегодняшнего дня моя жизнь была самой обыкновенной драмой, а теперь ее определенно могут экранизировать в жанре ужасов.

Уже представляю: действие начинается с того, как я перерезаю горло Дилану лезвием своего конька, а за-



тем выясняется, что мое тело украл один из демонов Люцифера.

Отпад.

Вообще-то демонам даже не пришлось бы красть мое тело. Я бы с огромным удовольствием позволила какому-нибудь посланнику ада вроде Мейзикин¹ занять мое тело, но при условии, что свою убийственную деятельность она начнет с моего гори-в-аду списка, в котором первое почетное место теперь, как вы уже догадались, занимает Дилан, мать его, Пирс.

Хотя как бы вы могли догадаться, если не знаете, что он сделал.

Итак, этот день должен был стать лучшим в моей жизни, ведь я мечтала об Олимпиаде семь лет! И вот наконец нас с Диланом отправили представлять Канаду в Турине на зимних Олимпийских играх. Волновались ли мы? О да, еще как. Несмотря на то огромное количество чемпионатов, что мы выиграли, Олимпиада казалась нам чем-то недостижимым. Семь лет назад мы с Пирсом чуть ли не поклялись на мизинчиках, что будем кататься вместе, пока не завоюем олимпийское «золото».

Так, ладно, сейчас будет спойлер!

Если вы думаете, что нас засудили или кто-то выступил лучше нас, то вы ошибаетесь. Мы не нарушили своих клятв и стали олимпийскими чемпионами, стояли там на пьедестале под гимн нашей страны, довольные собой и счастливые. Именно таким воспоминанием мне бы хотелось потом делиться с детьми, их детьми и детьми детей моих детей. Ну вы поняли.

А потом этот кретин все испортил!

Во время пресс-конференции, на которую мы отправились после награждения, Дилан игнорировал

¹ Мейзикин — демон из телесериала «Люцифер», покинувший ад вслед за дьяволом.

вопросы журналистов о планах на следующий сезон, а затем просто взял и сообщил на весь мир, что он уходит из спорта и это были наши последние соревнования в качестве пары.

Нет, я уважаю его решение уйти, я же не бесщелочная, заносчивая, эгоистичная стерва. Но у него ведь есть рот! Дилан мог бы открыть его и поговорить со мной, прежде чем заявить на весь мир, что бросает меня!

Помните, я говорила, что мы с ним друзья?

О, забудьте. Никакие мы, к черту, не друзья!

Наверное, я уже тогда была больна, поэтому у меня были галлюцинации.

Конечно, мы поговорили после пресс-конференции... Ну разговором, конечно, это сложно назвать, потому что в основном я орала, а он мямлил какую-то чушь собачью вроде того, что Вероника, его жена, беременна, и после четырехмесячного тура, что мы запланировали еще месяц назад, они вернутся в Лондон растить детей в доме его матери.

И бла-бла-бла.

Это все, конечно, прекрасно, вот только у меня возникло несколько вопросов.

Во-первых, у Дилана нет ничего общего с персонажем Арнольда Шварценеггера из «Джуниора»¹, так каким же образом карьера Пирса помешает его жене выносить ребенка?

Во-вторых, что Пирсы имеют против контрацепции? Ну правда, кто заводит детей в двадцать один год?!

И, наконец, в-третьих, какова вероятность, что кто-нибудь из представителей Netflix решит экрани-

¹ Персонаж Арнольда Шварценеггера из «Джуниора» — Доктор Алекс Хесс — персонаж американского кинофильма «Джуниор», который вынашивает ребенка в рамках эксперимента.



зировать мою жизнь в ближайшее время? Потому что я больше не хочу ждать ни минуты.

Сегодня же закажу себе футболку с печатью «Черт бы тебя побрал, Дилан Пирс!» и сяду в ней собственноручно писать сценарий своего собственного фильма ужасов, сюжет которого будет походить на день сурка: весь фильм я буду убивать этого говнюка одним лишь взглядом, а потом, когда мне снова захочется убить его, оживлять. И так весь фильм!

— Пойдем в бар, — неожиданно предлагает брат, прерывая мой внутренний монолог.

— В бар? — переспрашиваю я.

— Тебе ведь сегодня двадцать один, — напоминает Эштон, разрывая наши объятия, а затем проходит в номер и закрывает за собой дверь.

Что может быть хуже, чем умереть в день своего рождения?

Ммм... дайте-ка подумать. Наверное, умереть в день своего рождения от редкой острой вирусной высококонтагиозной болезни.

— Я не могу пойти! У меня Эбола! — снова кричу я.

Он что, оглох?

— Эбби, Эбола передается в результате тесного контакта с биологическими жидкостями шимпанзе или фруктовых летучих мышей. А ты не была в регионах их обитания, — с умным видом заявляет братец, пока я в удивлении смотрю на него.

Фруктовая летучая мышь? Что?

Кажется, он что-то принял.

— Поторопись, у меня есть для тебя сюрприз, — как ни в чем не бывало продолжает Эштон.

Мой брат — та еще заноза в заднице. Так что, решив больше не спорить с ним, молча плетусь в ванную, чтобы привести себя в порядок.

ГЛАВА 2



THE WHITE STRIPES — SEVEN NATION ARMY

Рид Тремя часами ранее

Из динамиков звучит попсовая песня Селены Гомес, пока я направляюсь к своему месту на ВИП-трибуне ледового дворца «Турино Пьемонт». Большая ледовая арена залита ярким белым светом, и многочисленные зрители уже расположились на трибунах в ожидании начала заключительного этапа танцев на льду.

— Ну просто охренеть! — восклицаю я.

Все происходящее действительно можно обобщить лишь одним словом — «охренеть».

Находиться на Олимпиаде со своей семьей — охренеть как здорово. Вчера сборная Канады по хоккею выиграла «золото», а я при этом сделал хет-трик¹ — охренеть как круто. И, наконец, я сижу на фигурном катании — охренеть как странно.

Если бы еще вчера мне кто-то сказал, что я буду смотреть фигурное катание, я бы засмеялся этому человеку в лицо, потому что: а) настоящие мужчины играют в хоккей; б) смотреть на мужика в обтягивающем блестящем костюме, катающегося под «Времена года» Чайковского, — долбаный мазохизм.

Представьте на мгновение, каким должен быть настоящий мужчина. Кто-то скажет, что романтичным, другие

¹ Хет-трик — серия из трех забитых игроком шайб за одну игру, не прерываемая шайбами, забитыми другими игроками.



скажут, что смешным, или умным, или богатым. Но каждая девушка определенно хочет быть со своим мужчиной в безопасности, чтобы как за каменной стеной. То есть мужчина должен быть каким? Правильно — сильным!

Схватываете на лету.

Вот возьмем Джейсона Стетхэма. Сильный? Сильный.

Или старого доброго железного Арни¹ — настоящий мужик!

А теперь давайте напаялим на него эту забавную рубашку в цветочек и такие же цветастые лосины, как на том хилом парнишке, что сейчас делает какие-то ужасные вращения на льду. Ну что, Арнольд Шварценеггер по-прежнему создает впечатление настоящего мужчины?

Надеюсь, вы поняли, о чем я здесь толкую.

— Рид, следи за языком! — сверлит меня взглядом Джессика, моя сестра-близнец, закрывая при этом уши Элизабет.

— Извини, — беззвучно шевелю губами.

Ну как вы уже догадались, Рид — это я, а Элизабет — моя племянница, та малышка с длинными светлыми кудрявыми волосами и большими зелеными глазами, которая сидит рядом со мной.

Едва Лизи исполнилось четыре года, Джессика привела ее в фигурное катание. Пока девочки ее возраста обожают каких-то уродских кукол с огромными глазами², Элизабет мечтает стать Эбигейл Уильямс. Только по этой причине я и оказался здесь, ведь куда проще поверить, что Кеннеди убили зеленые человечки, чем отказать в чем-то пятилетке.

Элизабет восхищенно смотрит на лед, и я пытаюсь следовать ее примеру.

¹ Железный Арни — Арнольд Шварценеггер — киноактер.

² Куклы с огромными глазами — куклы L.O.L.

Меня хватает секунд на пять.

Как это вообще можно смотреть? Ну просто скука смертная.

Можно сразу же как-то перемотать к тому моменту, когда на льду появится горячая блондинка?

Бросаю еще один скучающий взгляд на ледовую арену и достаю телефон.

— Ва-а-а-ау! — восклицает Лизи, увидев в моем телефоне фотографию Эбигейл. — Какая она красивая!

Что ж, не могу не признать, что у моей племянницы отменный вкус. Не имея ни малейшего желания следить за тем, что происходит на льду, я решил ее погуглить. И я вам так скажу: эта фигуристка очень даже хороша.

Правда, учитывая, что я ни хрена не разбираюсь в фигурном катании, хороша она для меня не как фигуристка.

Если вы понимаете, о чем я.

Только представьте, в социальных сетях у задницы Уильямс есть свой хештег. Это круто, не правда ли?

Когда диктор объявляет имена Эбигейл Уильямс и Дилана Пирса, Лизи громко визжит и заставляет меня начать снимать происходящее на видео.

Фигуристы появляются на льду, и мне в глаза сразу же бросаются их костюмы, отличающиеся от тех, что я видел у других спортсменов: никаких обтягивающих брюк, пышных юбок, цветастых рубашек. Все достаточно просто: у Эбигейл — черный комбинезон с узором пламени, а у Дилана — черная водолазка с огненными линиями вдоль рукавов и черные брюки.

Начинает звучать музыка, в которой я узнаю один из саундтреков к игре NHL 21¹. Не верю своим ушам. Это... Интересно.

¹ Игра NHL — видеоигра, симулятор хоккея.



Ладно, признаю, от того, что происходит на льду, реально захватывает дух. Внимательно слежу за каждым элементом программы на протяжении всего их выступления. Наконец они завершают прокат, и я с шумом выдыхаю, надеясь, что никто и никогда не узнает, что я только что смотрел фигурное катание несколько минут подряд.

После их программы я снова теряю интерес к тому, что происходит на льду, потому что там сейчас катается парень в черной блестящей рубашке, треугольный вырез которой доходит ему чуть ли не до пупка. Если мои глаза посмотрят на это еще хотя бы секунду, мне захочется выколоть их себе, чтобы больше никогда не видеть подобное.

Так что я захожу в Гугл и продолжаю штудировать его в поисках информации об этой шикарной блондинке.

Ей всего двадцать лет, а она уже стала семикратной чемпионкой Канады и трехкратной чемпионкой мира. Эбигейл — самая юная титулованная спортсменка нашей страны. Она не дает интервью, если это не касается ее спортивных достижений, а также сотрудничает только со спортивными брендами, хотя ей предлагали рекламные контракты различные мировые бренды. Ее рост — сто шестьдесят шесть сантиметров, знак зодиака — Водолей, любимый фильм — «Значит, война»...

О господи, сколько же бесполезной информации можно получить за пару минут в Интернете.

— Рид! Смотри же, сейчас будет награждение! — Элизабет толкает меня в плечо, тем самым заставляя снова начать видеосъемку.

Наши места расположены на балконе, поэтому я сажаю Лизи к себе на плечи и подхожу ближе к краю, чтобы она смогла рассмотреть, что происходит внизу.

Эбигейл и Дилан машут с пьедестала с улыбками на лице, и все трибуны вновь взрываются аплодисментами, криками и визгами. После того как звучит гимн Канады, спортсмены покидают площадку, чтобы дать интервью.

— Рид, мне звонят по работе, сможешь пока ответить Лизи на автограф-сессию? — обращается ко мне Джессика. — Вернусь, как все решу.

Моя сестра — организатор мероприятий у политиков, звезд шоу-бизнеса и спортсменов. Я прекрасно знаю, что она обязана ответить, потому что ей придется постоянно быть на связи, чтобы не произошло никаких форс-мажоров.

— Да, конечно, никаких проблем. — Опускаю вниз Элизабет, которая визжит от радости. — Пойдем, гномик!

Мы спускаемся вниз, в фанатский сектор, где я показываю свой пропуск участника Олимпийских игр, и мы без проблем проходим внутрь. Эбигейл и Дилана пока нет, они на пресс-конференции, поэтому у нас есть время, чтобы перекусить.

Заказываю картофель фри и молочный коктейль для гномика и двойную порцию тартара из лосося для себя. Разделавшись с едой менее чем за десять минут, Лизи хватает меня за руку и тянет по направлению к месту проведения автограф-сессии.

Лизи начинает прыгать и визжать, когда олимпийская чемпионка выходит из-за баннера Зимних игр и подходит к своему месту за столом.

После выступления Эбигейл распустила волосы и надела красный спортивный костюм, и, чтоб меня, она просто роскошна! Золотистые волосы длиной ниже лопаток, аккуратный носик и пухлые губы, которые складываются в потрясающую улыбку, адресованную огромному количеству фанатов.



Фигуристка машет всем в знак приветствия, осматриваясь по сторонам. А затем ее взгляд останавливается на мне.

О, я знаю этот взгляд.

Она меня хочет.

И я подмигиваю ей.

Можете сейчас сказать мне, что я самовлюбленный придурок.

Ха. Будто я сам не в курсе.

Эбигейл удивленно приподнимает одну бровь, а затем наш зрительный контакт прерывает Дилан, подошедший к ней.

Когда подходит наша очередь, Элизабет поднимает на меня свои светящиеся от счастья глаза и улыбается. Я улыбаюсь в ответ и пропускаю ее вперед, чтобы она могла обнять Эбигейл.

— Привет, милая. Как тебя зовут? — интересуется у нее блондинка, оставляя автограф на карточке со своей фотографией.

— Лизи! — смущается Элизабет. — А это Рид.

— Приятно познакомиться, Лизи и Рид, — улыбается Эбигейл, вручая ей подписанную фотографию, а затем раскрывает руки для объятий. — Иди скорее обниматься и делать фото!

Лизи громко визжит и буквально падает в объятия фигуристки.

— Давайте я сфотографирую вас вместе, — предлагает Дилан.

Я передаю ему телефон и подхожу к Эбигейл, вставая позади нее. Она стоит ко мне так близко, что я ощущаю, как сладко она пахнет. Ее потрясающий цветочный аромат сводит мои обонятельные рецепторы с ума.

— Готово, — говорит Пирс, возвращая мне телефон, и тем самым выводит меня из странного состояния ароматранса.

— Спасибо, Эбигейл! Ты самая красивая и талантливая фигуристка в мире! — громко кричит Элизабет, а затем еще раз крепко обнимает своего кумира и бежит к Джесс, которая уже ждет нас у выхода.

В мою голову прилетало так много шайб, что, возможно, их суммарное количество достигло какого-то определенного пика, который и повлиял на сотрясение моего мозга и сделал меня слабоумным. Или же я просто спятил. Как иначе объяснить мой следующий идиотский поступок?

Подхожу к блондинке и шепчу ей на ухо:

— Может быть, встретимся позже, чтобы я передал тебе наши фотографии?

Эбигейл пристально смотрит на меня своими большими голубыми глазами, улыбается и спрашивает:

— Хочешь встретиться у тебя?

СТОП. ЧТО?

Такого поворота событий я не ожидал, но кто я такой, чтобы отказывать даме?

— Я в номере 2013, приходи в девять вечера, — ухмыляюсь я.

Она фыркает и отворачивается, а я, счастливый, направляюсь к выходу.





ГЛАВА 3

THE SCORE — UNSTOPPABLE

Эбигейл

Захожу в ванную и резко останавливаюсь, увидев в зеркале свое отражение. Как я и ожидала, выгляжу просто ужасно. Тушь размазана по всему лицу, что вовсе не делает меня милой пандой. Опухшие глаза красного цвета выглядят примерно так же, как у жаждущего крови людской Стефана из «Дневников Вампира». Ну а лицо заплыло так, словно у меня отек Квинке.

Точно!

Эштон все-таки был прав: у меня не Эбола, а анафилактический шок!

Да, да, тяжелая острая аллергическая реакция на мудаков вроде Дилана Пирса. Или Рида, мать его, О'Хара.

Ох уж этот самовлюбленный говнюк.

Рид действительно принял меня за одну из многочисленных хоккейных заек?

Надеюсь, я смогу не думать об этом, когда в следующий раз увижу его на льду.

Рид О'Хара по прозвищу Чемпион — канадский хоккеист, выбранный американским клубом «Орлы Лос-Анджелеса» на драфте¹ под общим первым номером. Ему всего двадцать пять лет, а он уже успел стать чем-

¹ Драфт — процедура выбора командами игроков для подписания эксклюзивного контракта.

пионом мира и обладателем кубка Стэнли¹. А вчера, завоевав олимпийское «золото», он стал олимпийским чемпионом и членом Тройного золотого клуба². И самым молодым хоккеистом в истории, взявшим приз лучшему бомбардиру лиги. Он пять раз завоевывал приз лучшему снайперу, а также получил «Лестер Пирсон Эвордс»³. В двадцать один год он стал капитаном «Орлов» и вошел в число десяти лучших игроков десятилетия.

Я считаю этого лос-анджелесского форварда⁴, играющего под одиннадцатым номером, величайшим хоккеистом мира. Когда он выходит на лед, мое сердцебиение ускоряется приблизительно до скорости ракеты «Авангард»⁵, стартующей в космос. То, что творит этот парень, играя в хоккей, — полное сумасшествие. Можете считать меня его яркой фанаткой с того самого дня, когда его задрафтовали «Орлы», ведь я смотрю каждую его игру, знаю всю его статистику и помню каждую забитую им шайбу.

Вы наверняка озадачены и искренне не понимаете, почему же я тогда еще не в номере 2013. Просто как мужчина Рид меня совершенно не интересует.

¹ Кубок Стэнли — хоккейный приз, ежегодно вручаемый победителю плей-офф Национальной хоккейной лиги.

² Тройной золотой клуб — спортивный термин, используемый для обозначения хоккеистов, выигравших золотые медали на зимних Олимпийских играх, чемпионате мира и завоевавших кубок Стэнли.

³ Лестер Пирсон Эворд — награда, которая вручается самому ценному хоккеисту года по мнению игроков.

⁴ Форвард — нападающий.

⁵ Ракета «Авангард» — одна из самых быстрых ракет в мире, скорость которой превышает скорость звука более чем в двадцать раз.



Будучи его большой фанаткой, я создала в своей голове идеальный образ этого парня. И в мои планы не входило когда-либо вступить с ним в диалог в реальной жизни. Мне не хотелось узнать, какой у него любимый цвет, размер обуви или члена. И мне определенно не хотелось случайно выяснить, что мой самый любимый хоккеист — бабник и лжец, как мой отец. Ну а учитывая тот факт, что несколько часов назад Рид купился на мое предложение прийти к нему, мои опасения не напрасны.

Рид О'Хара определенно избалован женским вниманием и считает, что ему достаточно лишь разок подмигнуть, чтобы девушка упала на его стояк.

К счастью, никакие падения мне не грозят. У меня нет проблем с координацией.

Я же фигуристка, в конце-то концов.

Хоть уже и бывшая.

Не спорю, когда сегодня я увидела Рида, стоящего передо мной, то потеряла дар речи. В жизни он оказался еще прекраснее, чем я себе представляла. Светлые волосы были идеально зачесаны назад, короткая борода обрамляла прямоугольный подбородок, простые серые штаны «Найк» и белая футболка подчеркивали грудь его мышц, а белоснежная улыбка просто сводила с ума. И я была под впечатлением ровно до того момента, пока он не подошел ко мне и не открыл свой рот.

Озабоченный кретин.

— Эбби, ты скоро? — отвлекает меня от мыслей недовольный голос Эштона.

— Пять минут! — кричу я.

Как же я искусно лгу.

Ну какие, к черту, пять минут?

Мне не хватит и недели, чтобы сделать с этим лицом что-то более или менее приемлемое.

Так, ладно, нужно взять себя в руки, а то вдруг я откину коньки прямо в баре? Я должна хотя бы постараться стать секси.

Выливаю на лицо половину тюбика тонального крема, на скорую руку рисую черные стрелки, а затем прохожусь по контуру глаз золотой подводкой и крашу губы красной помадой. Распустив дудьку на голове, наношу на волосы мусс, чтобы зафиксировать локоны. Выхожу из ванной и направляюсь в спальню, где достаю из шкафа короткое золотое платье и на ходу надеваю его. Спешно застегиваю на щиколотках черные босоножки на высокой тонкой шпильке и выхожу в большую светлую гостиную. На мягком диване, на котором еще несколько минут назад я наслаждалась одиночеством, теперь, развалившись, сидит мой брат, уставившись в плазму. Падаю рядом с ним и заявляю, будто он не в курсе:

— Ненавижу сюрпризы.

— Правда? Никогда бы не подумал, — ухмыляется Эштон. — Но я же сказал, этот тебе понравится. Пойдем.

Во второй раз за день он заставляет меня поднять свою задницу с этого удобного лежбища и потащиться за ним из номера.

Тиран.

Иду вслед за братом по бежевой ковровой дорожке длинного ярко освещенного коридора в сторону лифтов. Эштон нажимает кнопку вызова, и, дождавшись одного из них, мы поднимаемся на сорок второй этаж нашего отеля «Либерти», самого высокого небоскреба Турина, где располагается бар-ресторан «Либерти Пьемонт».

Двери открываются, и мы сразу же оказываемся у барной стойки из темного дуба с золотой столешницей, подсвеченной сверху желтыми огоньками. Благо-



даря панорамному остеклению отсюда открывается потрясающий вид, который можно оценить, усевшись на черные стулья с ножками из дуба, стоящие вокруг зеркальных столиков у окон. Приглушенный желтый свет гирлянд в форме маленьких шариков, расположенных под деревянными потолочными балками, делает обстановку невероятно интимной и создает ощущение спокойствия. На небольшой сцене в центре зала девушка в красивом черном блестящем платье в пол исполняет кавер на Уитни Хьюстон.

Сейчас здесь не так много посетителей, что очень меня радует, потому что я терпеть не могу людей. И бары. И алкоголь.

Иисусе!

Что я вообще здесь делаю?

Вообще-то, алкоголь в нашей семье — табу. Вот только не делайте поспешных выводов. У меня не было неудачного опыта. Я не напивалась в хлам и не блевала, не страдала от зависимости, не лечилась в рехабе, и меня не насиловали. Не будем вдаваться в подробности, но если в двух словах: у Эштона была жена, Лиза, которую сбил пьяный водитель и скрылся с места аварии. Так что с алкоголем у моего брата связаны слишком хреновые воспоминания. А я все эти годы была его личной группой поддержки. Такая вот история.

Сажусь на высокий черный стул и прошу бармена сделать мне любой коктейль на его вкус в честь моего совершеннолетия. В конце-то концов, должна же я попробовать алкоголь, пока не сдохла!

Брат берет свою газированную воду с лимоном, а я — протянутый барменом коктейль оранжевого цвета с долькой апельсина, и, едва рот Эштона открывается для тоста, как телефон брата начинает вибрировать — на дисплее высвечивается фотография нашей матери.

— Скажи, что не знаешь, где я. — Резко вскакиваю с барного стула с коктейлем в руке и направляюсь в другой конец бара, чтобы у брата не было соблазна невзначай протянуть мне свой телефон.

Прохожу почти через весь зал и останавливаюсь у окна, наслаждаясь изумительным видом ночного Турина. Снежные хлопья, сияющие в свете полной луны, опускаются с неба на город, освещенный множеством световых инсталляций, специально установленных для проведения Олимпийских игр. Разноцветные крыши маленьких трехэтажных домиков, окружающих отель «Либерти», постепенно окрашиваются снежинками в белый цвет. Хочется тепло одеться, выбежать на улицу и снова стать ребенком, делающим снежных ангелов... Иисусе, что я несу?! Нет! Ни за что бы не хотела снова стать ребенком!

Помните мой гори-в-аду список? Так вот, Дилан Пирс занял в нем место предыдущего неизменного лидера, моего отца.

Мне было четырнадцать, когда мы узнали, что он обманывал нас на протяжении многих лет, скрывая вторую семью. Хотя вряд ли ему вообще знакомо слово «семья».

После развода наша мать перевезла нас с Эштоном из Торонто в Лондон, штат Онтарио, решив начать новую жизнь. Первые полтора года она очень много плакала и столь же много пила, а затем, возомнив себя героиней Джулии Робертс в «Ешь, молись, люби»¹, собрала свои шмотки и поехала путешествовать по миру,

¹ Героиня Джулии Робертс в «Ешь, молись, люби» — Элизабет Гилберт — персонаж американского фильма «Ешь, молись, люби». После болезненного развода она отправляется в путешествие по миру, которое позволит ей познать себя.



оставив меня, пятнадцатилетнюю девочку-подростка, на попечение двадцатилетнего брата. Видимо, жизнь с чистого листа не включала в себя наличие детей. Так что почетное третье место родного моему сердцу списка достается моей матери, Ребекке Уильямс.

Не понимаю, какого черта Эштон общается с ней. Лично я считаю, что мы сироты.

А вообще, интересно, зачем она звонит? Неужели вспомнила о моем совершеннолетии? Наверное, мне все-таки стоило ответить на звонок и рассказать ей, что я умираю. Как думаете, Ребекка приехала бы на мои похороны? Или решила бы, что может заразиться Эболой от трупа, и не стала рисковать?

На самом деле мне глубоко наплевать. И пусть так будет всегда!

О, отличный тост!

Подношу бокал к губам, как вдруг ощущаю на своей заднице чью-то крепкую ладонь.

ГЛАВА 4



BLACKBEAR — HOT GIRL BUMMER

Рид

Прождав Эбигейл полтора часа, решаю, наконец, признать, что она уже не придет. Прокручиваю в голове наш короткий диалог и не могу понять, почему. Она же сама предложила мне встретиться в моем номере!

Наверное, не стоило даже пытаться подкатить к ней. Чем я только думал? Вопрос, конечно, риторический. Очевидно, членом. И это, мать его, странно. Меня давно не интересует одноразовый секс.

Знаю, что вы мне не верите, но это чистая правда.

Не думайте, что я выпендриваюсь, но фанаток у меня не просто много, их охренеть как много. В основном это хоккейные зайки, которым не терпится переспать со мной просто потому, что я хоккеист. Им глубоко наплевать, на какой позиции я играю, на мои достижения и на то, какой я человек в целом.

Сначала это приводило в восторг. Но потом до меня дошло, что я отупел от секса. Каждый раз одно и то же. Скука.

Поэтому я попытался построить отношения.

Удивлены? Я тоже.

После смерти отца моя горячо любимая мать решила, что мне позарез нужно найти свою вторую половинку. Это ее слова, если что. От меня вы такой слащавой ерунды точно никогда не услышите. Какая, на хрен, половинка?



Мама познакомила меня с Гретхен, дочерью ее по-други по клубу садоводов. Гретхен каждое воскресенье ходила на службу в католическую церковь, читала молитву перед каждым приемом пищи и становилась багровой при упоминании слова «секс».

За пару месяцев с ней я узнал две вещи.

Во-первых, моя мать меня ненавидит и желает мне смерти.

Гретхен, как оказалось, не хотела заниматься сексом, пока не наступит наше тридцать третье свидание. Долбаная католичка! До тридцать третьего свидания я бы просто не дожил и сдох от взрыва яиц.

Вместо охренительного траха я несколько месяцев только и делал, что слушал очередное нытье или упреки, мол, я не уделил ей должного внимания или забыл какую-то мелочь вроде ее грядущего дня рождения. Эта «половинка» не понимала, что жизнь профессионального хоккеиста не такая уж радужная, как кажется. Ей было все равно, что мой график расписан на весь сезон, что меня постоянно нет дома из-за длительных серий выездных игр, а после тренировок мне хочется потрахаться и просто полежать в тишине.

Во-вторых, я всегда догадывался, но после Гретхен убедился в этом на все сто процентов: хоккей и есть моя половинка, мама! Мы с ним вместе уже двадцать один год, и он ни разу не обвинял меня в том, что я — кусок собачьего дерьма.

Едва мне исполнилось четыре, я встал на коньки и взял в руки клюшку. Мой отец был тренером по физической подготовке в молодежном хоккейном клубе «Квебек Тайгерз». В детстве он часто брал меня с собой на тренировки команды, и это были лучшие дни моей жизни. Я с нетерпением ждал, когда отец снова приведет меня в ледовый дворец. Когда я выходил на

лед, то будто бы попадал в другой мир. Ледовая арена стала для меня моей личной Нарнией.

Мне было восемнадцать, когда меня задрафтовали «Орлы Лос-Анджелеса». Я сразу стал одним из лучших. А быть лучшим означает стать лакомым кусочком для фанаток. И, казалось бы, секс без обязательств — мечта любого восемнадцатилетнего парня. Но меня едва хватило на пару месяцев, а затем, как я уже говорил, мне все это осточертело.

Сейчас мне двадцать пять. У меня есть «девушка», с которой я состою в интимных отношениях. Просто секс. И все. У нас заключен контракт, согласно которому она просто приходит в мой дом, кончает, дает кончить мне и уходит. Келли Адамс — невероятно сексуальная модель, заинтересованная в новых знакомствах, так что иногда она все же сопровождает меня на мероприятиях. Но на этом все. Никаких свиданий, разговоров по душам и обнимашек.

Как я докатился до такой жизни?

Никаких интриг в моей истории не будет. Мой товарищ по команде рассказал мне про эскорт-агентство «Девушки Грея», которое подбирает подружек для известных спортсменов, звезд Голливуда, политиков. Все строго, конфиденциально и безопасно, что немало важно, учитывая то, какими сумасшедшими бывают фанатки.

Помните историю про жгучий перец вместо спермы в презервативе Дрейка¹?

Отлично. Надеюсь, теперь вы меня понимаете.

Так что, кажется, я и в самом деле спятил, раз хотел затащить в постель девушку, которую впервые вижу.

¹ Дрейк — рэпер. Здесь имеется в виду скандальные слухи, что Дрейк налил в презерватив острый соус, чтобы партнерша не украла его сперму.



Матерь божья, мне нужно выпить. Сейчас же.

Вспоминаю, что Эштон, мой товарищ по хоккейной сборной Канады, звал меня в бар, но я отказался, сославшись на другие планы. Ну, раз уж эти планы благополучно канули в никуда, беру телефон, чтобы сообщить ему об этом.

Рид:

Ты в баре?

Ответ приходит сразу же:

Эштон Уильямс:

Буду через пятнадцать минут.

Рид:

Встретимся там.

Я основательно подготовился к приходу Эбигейл: принял душ, почистил зубы, закинул в рот пару ментоловых леденцов, надушился духами Zielinski&Rozen с ароматом ветивера, лимона и бергамота и даже уложил волосы. Так что я практически готов к походу в бар. Осталось только одеться.

Следующие пятнадцать минут я решаю провести там же, где предыдущие полтора часа — на кровати, за просмотром какого-то тупого телешоу. Стрелка на часах движется со скоростью долбаной морской звезды и невероятно раздражает меня. Наконец спустя десять минут я подрываюсь с кровати, натягиваю темные джинсы и белую футболку, обуваю белые кроссовки «Найк» и выхожу из номера.

Поднимаюсь в бар и осматриваюсь в поисках Эштона, как вдруг мой взгляд находит роскошную блондин-

ку, удаляющуюся от барной стойки. На ней блестящее золотое платье, едва прикрывающее упругую задницу, на которую трудно не обратить внимание с моего ракурса. На ее длинных ногах — черные босоножки на высоком каблуке. А ее волосы идеального золотистого оттенка спадают на плечи локонами.

Понятия не имею, куда направляется Эбигейл, но я следую за ней. Мне, черт возьми, нужны объяснения.

Пройдя через весь зал, она останавливается у окна и подносит бокал к губам. Подхожу к ней ближе и кладу ладонь на ее задницу.

— Секс на пляже? — задаю с ходу свой вопрос.

Она резко поворачивает голову и таращится на меня своими большими кристально-голубыми глазами.

— Мы в Турине, идиот, за окном девять градусов.

— Я о коктейле в твоих руках, Блонди, — издаю смехок я.

— Гребаный бармен. — Эбигейл поворачивается в сторону барной стойки и шумно вздыхает. — Попросила сделать коктейль на его вкус. Парню повезло, что я совершенно не разбираюсь в коктейлях, иначе бы плеснула этот в его милую мордашку.

— Считаешь его мордашку милой? — Смотрю на бармена, невысокого парня с темными кудрявыми волосами, похожего на Арона Пайпера, а затем перевожу взгляд на Эбигейл и подхожу к ней еще ближе, становясь вплотную.

— Да, — не отрывая взгляда от бармена, отвечает она, а затем поворачивается ко мне и поднимает на меня глаза. Черт, она такая маленькая, что даже на высоких каблуках едва достает мне до подбородка. — Почему твоя рука до сих пор на моей заднице?

— Тебе не нравится? — ухмыляюсь я.



— Нет.

— Иногда «нет» означает «да».

— Но мы не в Болгарии¹.

— Отлично. Рад, что у тебя нет проблем с географией, — широко улыбаясь, произношу я.

О господи, я в восторге от этой игры.

— Знаешь, почему я не убираю твою руку со своей задницы?

— Потому что хочешь меня так же сильно, как и я тебя.

Блонди фыркает, а затем неожиданно заявляет:

— Нет, глупый, просто я больна и чертовски заразна. Вот жду, когда болезнь фруктовых летучих мышей достигнет и тебя.

Едва я открываю рот, чтобы задать вопрос «Какого хрена?», как над нами громыхает знакомый голос, опережая меня:

— Какого хрена, Эбс?

Поворачиваю голову и встречаюсь глазами с Эштоном.

Эштон Уильямс — лучший защитник НХЛ. Чувак с широкими плечами, ростом под два метра, эдакий Дуэйн Джонсон, только с немного кудрявыми волосами. Несмотря на всю его суровую внешность, Эштон добрый парень. Ага, такой добрый, что сейчас, кажется, убьет Эбигейл одним лишь взглядом.

Вот черт, я же понятия не имел, что они вместе!

Пристально смотрю на него и понимаю, что моя ладонь до сих пор находится на ягодице блондинки. Медленно, стараясь не привлекать внимания Эштона, опускаю свою руку и отхожу от Эбигейл на шаг в сторону. Шестеренки в моей голове крутятся с невероят-

¹ Имеется в виду, что в Болгарии двойное согласие «да-да» означает твердое «нет».

ной скоростью. Нужно успеть придумать, как уйти отсюда и остаться в живых. Пытаюсь вспомнить, когда именно он позвал меня в бар... это было до или после встречи с Блонди?

Господи Иисусе!

А вдруг он узнал, что я жду Эбигейл в своем номере, и позвал меня в бар, чтобы подсыпать цианистый калий в стакан виски?

Напомните мне, чтобы я перестал смотреть детективные сериалы!

— Чемпион, рад тебя видеть! — неожиданно заявляет Эштон, хлопая меня по плечу.

Блонди смотрит на него, затем переводит взгляд на меня, а затем снова смотрит на Эштона и вдруг начинает смеяться, обращаясь к нему:

— Это и есть обещанный сюрприз?

Уголки губ здоровяка едва заметно ползут вверх, пока я по-прежнему ничего не понимаю. Он подходит к блондинке и чмокает ее в макушку.

— Я подумал, что тебе понравится идея провести свой день рождения с любимым хоккеистом.

— Ты ужасный брат! — Эбигейл тяжело вздыхает и поджимает губы. — Напомни, чтобы я вычеркнула тебя из завещания и отдала все свое состояние какому-нибудь фонду борьбы с импотенцией!

Эштон громко смеется, пока я неподвижно стою, пытаюсь переварить полученную информацию.

Брат?!

Итак, судя по всему, Эбигейл — сестра Эштона, что, конечно, кажется чудью, потому что они совершенно не похожи. Наверное, кто-то из них приемный.

Да, я мог бы сложить два и два и понять, что у них одна фамилия, но всем известно, что Уильямс — вторая по популярности фамилия в Канаде. Так что



оставьте свои комментарии по поводу моей смысленности при себе.

Странно, что на странице Блонди в Википедии нет информации о том, что ее брат играет за хоккейный клуб «Монреаль Пингвинз». И этот болван позвал меня, чтобы познакомить со своей сестрой, у которой сегодня день рождения?

Что ж, я совсем не против хорошенько поздравить ее.

Если вы понимаете, о чем я.

Пф, конечно, понимаете.

— Значит, я твой любимый хоккеист? — ухмыльнувшись, интересуюсь я.

Блонди протягивает мне свой коктейль:

— Можешь подержать? Пожалуйста.

Она действительно сказала мне слово «пожалуйста»? И почему из ее уст оно прозвучало словно ругательство?

Когда я беру из ее рук бокал, Эбигейл начинает что-то искать в сумочке.

— Вот черт. Где же он? Нашла! — Она вытаскивает свой средний палец и демонстрирует его мне.

По моему лицу расплзается широкая улыбка.

Блонди берет обратно свой коктейль и сверлит меня взглядом.

— Что ж, не буду вам мешать. — Эштон целует сестру в висок, намереваясь уйти.

— Куда ты собрался?

— В свой номер. Что мне делать в баре, Эбби? Я же не пью.

— Да ты, должно быть, шутишь?! — с негодованием кричит на него Эбигейл. — Ты же сам позвал меня сюда!

Эштон молча улыбается и разворачивается, на ходу помахав нам рукой.

— Чем займемся? — интересуюсь я, снова положив свою руку на ее идеальную твердую задницу. Утыкаюсь носом в ее волосы, и во второй раз за день мои обонятельные рецепторы получают оргазм от цветочного аромата Эбигейл Уильямс.

— Иди к черту! — сердито произносит Блонди и поворачивается ко мне, пристально смотря на меня своими ледяными глазами.

Да, пожалуй, надо валить.

— Я никуда не уйду, Блонди.

Надо. Валить.

— Тогда уйду я! — Эбби резко разворачивается на каблуках и быстрым шагом направляется к барной стойке.

— Подожди! — Хватаю ее за руку. — Поговори со мной. — Эбигейл останавливается, и я продолжаю: — Я не идиот и уже догадался, что начал наше знакомство не так, как тебе хотелось бы, иначе сейчас мы уже были бы в моем номере. Твой братец подарил тебе меня на сегодняшний вечер, так почему ты сбегашь? Вот я стою здесь. Всецело твой. Давай начнем все сначала?

О господи!

Почему я и в самом деле не могу пойти к черту? Беру свои слова назад, я — идиот.

Что я делаю? Она отшила меня и стала запретным плодом или что? То есть я сейчас, типа, Эдвард Каллен? Он же наркоман, которому просто повезло, что он бессмертный, иначе он бы давно сдох от героина¹. Такая роскошь непозволительна простому смертному вроде меня!

¹ Имеется в виду цитата из кинофильма «Сумерки»: «Ты — мой личный сорт героина».



Блонди так и продолжает молчать, поэтому я, шумно выдохнув, произношу:

— Хочешь надраться — будем пить вместе. Хочешь танцевать — я очень хреновый танцор, но ради тебя я готов к этому унижению. Хочешь поплакать — я подставлю свое плечо. Блонди, на эту ночь я весь твой. И пусть я бы распорядился этим временем по-другому. — Играю бровями, пока Эбигейл закатывает глаза, а затем добавляю: — Но, клянусь, этой ночью я не сделаю ничего, чего ты сама не захочешь.

Подхожу к ней ближе и убираю локон ее золотистых волос за ухо. «Чего ты боишься?» — хочу спросить я, но в итоге спрашиваю:

— Хочешь выпить?

ГЛАВА 5



X AMBASSADORS — BOOM

Эбигейл

Мысли в моей голове несутся с такой бешеной скоростью, что сам Барри Аллен¹ позавидовал бы мне, если бы узнал.

Это и в самом деле происходит? Я действительно раздумываю над предложением этого самовлюбленного придурка?

Мда. Все еще хуже, чем я думала.

Мне хочется врезать ему. Или себе. Но в любом случае руки не слушаются меня. Как и мой мозг. И мой рот, который вдруг открывается и самостоятельно произносит:

— Вообще-то, Чемпион, я не пью. А ты бы не отказался от «Секса на пляже»?

Какого черта происходит?!

Моя рука вдруг протягивает ему оранжевый коктейль.

О боже мой! До меня вдруг доходит, почему я не контролирую свое тело! Все дело в переходе Мейзикин. Процесс пошел!

Это единственное разумное объяснение.

Ну или у меня жар, и все это — глюки.

Голубоглазый кретин улыбается и берет протянутый бокал одной рукой, пока другой крепко обнима-

¹ Барри Аллен — супергерой комиксов, носящий имя Флэш и обладающий сверхскоростью.



ет меня за талию. Ну хоть не за задницу, уже какой-то прогресс.

— Спасибо, что предложила. — Рид с озорной улыбкой ведет меня к лифтам, по дороге к которым останавливается у барной стойки и ставит мой коктейль перед лицом бармена. — Пусть у тебя будет хотя бы такой секс, неудачник.

Иисусе!

Мотаю головой, жалея, что не могу врезать этому наглому блондину по его самодовольной роже. Еще бы пописал на меня, чтобы пометить территорию!

— Круто. Показал, кто здесь альфа¹? — резко спрашиваю я, когда мы останавливаемся в ожидании лифта.

— Можешь теперь называть меня Дерекком. Обожаю ролевые игры, — ухмыльнувшись, отвечает Рид.

Он что, имеет в виду Дерекка Хейла²? Видя мое замешательство, Рид смеется и произносит:

— Джессика, моя сестра, раньше обожала «Волчонка», поэтому и мне периодически приходилось смотреть этот сериал с ней.

— Будем считать, что я поверила.

Рид усмехается и слегка подталкивает меня в остановившийся на нашем этаже лифт, и я, ощущая внутри себя гребаное землетрясение, на трясущихся ногах захожу внутрь.

— Куда мы пойдем? — взволнованно спрашиваю я.

— Просто доверься мне, ладно? — спокойным голосом произносит Рид, нажимая кнопку цокольного этажа.

— У меня есть определенные проблемы с доверием, — тихо говорю я, закрывая глаза и прислоняясь затылком к стенке лифта.

¹ Альфа — лидер стаи.

² Дерек Хейл — оборотень, альфа из американского сериала «Волчонок».

Доверие — пропасть, в которую ты проваливаешься с головой, думая о счастливом будущем, а потом, когда мечты о нем летят в никуда, то туда же отправляешься и ты. И проходят дни, месяцы, годы, а ты еще даже не на половине пути оттуда. Мы доверяем людям, открываем им свое сердце, а они лгут, предают и покидают нас, несмотря на все свои обещания быть рядом. Иногда сложно доверять даже самой себе, что уж говорить о том, чтобы довериться незнакомцу. Я знаю этого парня несколько минут. О каком доверии вообще может идти речь? Кто знает, что Рид скрывает? Ведь у каждого из нас есть свои тайны.

— Блонди, ты слишком много думаешь. Эштон никогда бы не оставил тебя со мной, если бы не доверял мне.

Это правда. Братец никогда бы не позволил мне наговорить глупостей, а значит, он доверяет Риду. Но все это так странно. Не могу сказать, что мечтала об этом всю жизнь, но последние семь лет своей жизни я боготворила мужчину, стоящего справа от меня.

Господи, пожалуйста, пусть он окажется не таким мудаком, каким я сочла его при первой встрече. Наверное, нельзя было упоминать слова «господи» и «мудак» в одном предложении. Я попаду в ад?

Лифт останавливается на нужном этаже, Рид делает шаг вперед и поворачивается ко мне, протягивая руку. Я неуверенно беру ее и выхожу за ним, оказываясь на цокольном этаже. Мы идем по длинному коридору, ничем не отличающемуся от того, что на моем этаже, и проходим несколько совершенно одинаковых серых дверей без каких-либо табличек на них.

— Просто скажи, что ведешь меня не в какую-нибудь красную комнату, и мне станет немного спокойнее, — наконец произношу свои мысли вслух.

— Что за красная комната?



— Ну комната боли, наслаждения и всяких прочих ништячков для секса.

Зачем я вообще это спросила? Будто если он ответит, что и в самом деле собирается показать мне какие-либо виды извращений, я вырву из его хватки свою руку и убегу к себе в номер.

Нет. Этого не будет.

К своему большому ужасу, признаю, что даже если этот мужчина предложит мне понюхать кокаин с его идеального пресса, я сделаю это.

Ох уж эта Мейзикин внутри меня. Чертовка.

— А тебе бы хотелось, чтобы я отвел тебя туда?

— Боже мой, какой же ты невыносимый!

— Мне льстит, что ты обращаешься ко мне «боже мой», а ведь мы еще даже не в постели, — самодовольно ухмыляется Рид.

— Слушай, а тебе не тяжело?

— В каком смысле?

— Ну тебе не тяжело жить с таким эго, оно не тянет тебя вниз?

— Нет, мне не тяжело. Я выносливый, — весело отвечает говнюк. — Пришли! — Рид останавливается у двери в самом конце коридора, а затем поворачивается ко мне и внимательно смотрит на меня своими красивыми глазами цвета океана. Он прикладывает ключ-карту, толкает дверь от себя и заходит первым, придерживая дверь изнутри так, чтобы я могла заглянуть.

О мой бог.

Это кинозал.

Рид пропускает меня вперед и остается стоять в дверях, ожидая моей реакции. Медленно захожу в небольшое помещение и улыбаюсь тому забавному обстоятельству, что стены кинозала выкрашены в красный цвет. На них развешаны постеры и афиши голливуд-

ских фильмов. Пространство освещают желтые круглые бра, развешанные по всему периметру комнаты. Напротив большого экрана в два ряда расположились бордовые мягкие кресла, между которыми стоят маленькие золотые журнальные столики.

В изумлении поворачиваюсь к Риду и вижу, как он улыбается, а затем закрывает дверь и направляется к вендинговому аппарату, стоящему в углу.

— Что будешь пить?

— Колу. — Я сажусь в кресло по центру зала, скидываю босоножки и подгибаю ноги под себя. Кладу сумочку на журнальный стол и тянусь к лежащему на его полочке голубому пледу, чтобы накинуть его себе на плечи.

— Зеро?

Резко поднимаю голову и, вскинув брови, смотрю на него:

— Обычную. Боже мой, ты бы еще предложил мне латте на обезжиренном молоке без кофеина.

Рид смеется и садится с колой для меня и бутылкой пива для себя в соседнее с моим кресло.

— Как ты нашел это место? — интересуюсь я, взяв протянутую мне банку колы. Как только я дёргаю за жестяное колечко, газировка начинает шипеть.

— Мало кто знает, но почти в каждом отеле есть такая комната. А я во время выездных игр или сборов первым делом всегда выясняю на ресепшене, где она находится. Иногда кинозала нет, а есть, например, просто игровая, — увлеченно рассказывает он. — Но только не такая игровая, о какой ты подумала. Извращенка. — Рид опускает глаза и мотает головой, но затем улыбается и смотрит на меня.

— Хэй, ничего подобного! — защищаюсь я. — Просто мы едва знакомы, и в голову сразу же полезли мысли о тайнах, интригах, секретах.



— Не у всех есть тайны, Блонди.

— Хочешь сказать, ты ничего не скрываешь?

— Нет. Никогда. Какой в этом смысл? Ложь всегда становится явью. Я как открытая книга. У меня нет ни одного секрета, — слишком серьезно говорит Рид, а затем тянется к пульту, лежащему на журнальном столике перед нами. — Выбирай фильм.

— Может быть, посмотрим «Три метра над уровнем неба»? — интересуюсь я. Рид с ужасом смотрит на меня, и я едва сдерживаю смех. — Успокойся, я не из тех девушек, которые любят Марио Касаса и фильмы про нездоровые отношения.

— По-моему, Марио Касас сексуальный, — заявляет Рид, и я начинаю смеяться. — Почему ты смеешься?

— Честно признаться, я представляла тебя рядом с какой-нибудь брюнеткой из клипа Канье Уэста, у которой силиконовые сиськи пятого размера и задница размером с полуостров.

— В твоей фантазии я был обнажен? — улыбаясь, интересуется Рид.

— Конечно! — Я закатываю глаза и фыркаю: — Как ты догадался?

— У меня дар!

— Круто. А если бы я выбирала себе дар, то пока бы я ела, толстел кто-то другой.

Рид фыркает в ответ, и я смеюсь, листая фильмы в приложении. Но мне вообще все равно, какой фильм мы будем смотреть. Я готова включить первый попавшийся. Поэтому отвлекаюсь от экрана, делаю глоток колы и, пользуясь моментом, рассматриваю этого прекрасного мужчину. Боже мой, какие у него выразительные глаза. Цветом почти как мои, только насыщеннее, словно лазурные. А его слегка взъерошенные волосы... черт возьми, по ним так хочется провести рукой. Должна признать, что этот самовлюбленный нарцисс

и в самом деле очень хорош собой. Вообще, внешне мы с ним очень похожи, будто это он мой брат, а не Эштон... Так, стоп!

Я сейчас что, и в самом деле сказала, что он мне как брат?!

Господи боже, я же зареклась не участвовать в инцесте.

— А почему тебе не нравятся фильмы про любовь? — вдруг спрашивает Рид.

— Я не говорила, что мне не нравятся фильмы про любовь, я лишь сказала, что не люблю фильмы про нездоровые отношения. Ну когда в основе сюжета девственница, которая влюбляется в плохиша. Половину фильма они просто трахаются, при этом он ее унижает, а она все равно бежит за ним, как фанатичка, молясь на его член.

— То есть тебе не нравятся плохие парни? — Рид усмехается.

— Точно нет, — морщусь я.

— Но с хорошими парнями скучно.

— Ну, учитывая твои сексуальные фантазии, ты разбираешься в парнях лучше меня, — широко улыбаясь, подмигиваю я, пока блондин запрокидывает голову и смеется. — Хорошие парни не всегда скучные, — продолжаю я. — Если парень относится к тебе с уважением, то он хороший, а если вытирает о тебя ноги — кусок дерьма. Вот и вся классификация. Поэтому все эти фильмы, в которых девушка пытается изменить использующего ее ублюдка, приводят меня в бешенство.

Да простят меня фанаты фильмов с подобным сюжетом, но есть большая разница между тем, чтобы бороться за человека и бороться с человеком. Да, люди меняются, взрослеют и начинают иначе воспринимать какие-то ситуации, и, определенно, есть вероятность, что любовь способна как-то ускорить этот процесс, во



всяком случае, именно так считают сценаристы, придумывающие все эти нелепые истории, в которых девушка унижается, мечтая о большой и светлой любви, но какой ценой?

Не то чтобы я пропагандировала феминизм, но поклонение члену, принадлежащему какому-нибудь придурку, нужно убивать в зародыше.

Большая часть подобных фильмов именно о борьбе со сломленным, зажатым внутри, потерянным и эгоистичным человеком, который пользуется всем и всеми, думая лишь о своем сексуальном удовлетворении. Бедные девушки влюблены в самую мысль о том, какое будущее бы их ждало, если бы он изменился. Что это вообще за цель жизни такая — встретить парня и пытаться любой ценой изменить его? Все равно что раз за разом покупать туфли тридцать пятого размера, хотя нога выросла до тридцать седьмого, надеясь, что когда-нибудь они подойдут. Понимаете, какой это абсурд?

Я ни в коем случае не хочу сказать, что все фильмы такие, ведь есть «Клятва», «Дневник памяти», «Привидение» и многие другие кинохиты, в каждом из которых герои борются друг за друга, а не друг с другом. Это и есть безусловная любовь. Ну наверное. Я не самый главный знаток в отношениях.

— Почему ты не пришла ко мне в номер? — неожиданно спрашивает Рид.

ГЛАВА 6



FENEKOT — RUNAWAY

Эбигейл

Поднимаю на Рида глаза и изумленно смотрю на него. Он что, шутит?

Мне казалось, мы уже выяснили, что он мне не нравится.

— Хочешь сказать, ты действительно думал, что я приду? — усмехаюсь я.

— Да, ты же сама предложила! Вообще я не сторонник случайного секса, но как я мог тебе отказать? — пожимает плечами Рид. — Я же джентльмен.

— Ага, — скептически мычу я.

Боже мой, ну как можно быть таким кретином?

Рид выпрямляется в кресле, тянется к столу, чтобы поставить бутылку пива, а затем облокачивается на колени, сцепив пальцы в замок, опирается на них подбородком и произносит:

— Я всегда говорю правду, Блонди. Это не так уж и сложно, поверь.

Ну да, а я — мать Тереза.

— Думаешь, я поверю, что ты никогда не врешь? — откинувшись в кресле, интересуюсь я.

— Никогда, — уверенно произносит он. — Иногда я могу специально о чем-то умолчать, но это враньем не считается.

— Конечно.

— Задавай мне любые вопросы, и убедишься в моей честности, — предлагает Рид.



— В чем подвох?

— Ты должна будешь ответить на такое же количество моих вопросов.

— Не думаю, что это хорошая идея.

Он пристально смотрит на меня своими лазурными глазами и, изогнув одну бровь, интересуется:

— Боишься?

Да.

— Нет. — Да. Да, да, да, да, да. — Просто ты же мой любимый хоккеист, — быстро добавляю я. — Я и так много чего о тебе знаю.

— Вот это да! — Рид резко откидывается на спинку кресла и восклицает с такой радостью, будто в его голову пришла грандиозная идея.

— Что такое?

— Только сейчас понял, что твой брат — лучший защитник НХЛ, но любимый хоккеист — я. — Кретин улыбается так, словно только что снова выиграл кубок Стэнли.

Я закатываю глаза так, что вижу происходящее на небесах, и интересуюсь:

— А ты веришь в Бога?

— Я — католик! — Рид снова опирается локтями на колени. — Почему ты спрашиваешь?

— Просто ты так себя боготворишь, что мне интересно, что бы на это сказал Иисус.

— Ха. Что он направил на землю свое лучшее творение?

У этого парня точно нет проблем с самооценкой. Уверена, что он возбуждается, видя себя в зеркале.

— Ты мастурбируешь, глядя в зеркало? — слетает с моих губ, и мои глаза округляются от ужаса.

— Мы обсуждаем Иисуса, а ты думаешь о том, как я мастурбирую?! — самодовольно ухмыляется говнюк. — Эбигейл Уильямс, а ты, оказывается, не такая

уж и недотрога. Ну теперь я должен тебе признаться в своем грехе. — Рид наклоняется вперед, поближе ко мне, и шепчет: — Я подписался на обновления хештега твоей ослепительной задницы. Означает ли это, что я принят в твой фан-клуб?

Господи Иисусе!

— Если ты ждешь какого-то посвящения в стиле Дельта Каппа Нью, то спешу тебя расстроить, этого не будет.

— Ты не можешь знать наверняка, что будет, а чего не будет, — серьезно произносит Рид. — Ты же уже выбрала себе другой дар. Не мешай мне использовать мой и предсказывать будущее.

Я в сотый раз за вечер закатываю глаза и произношу:

— А тебе не нужна какая-нибудь спиритическая доска или магический шар?

— Нет, все это для шарлатанов. За кого ты меня принимаешь? — с обидой в голосе интересуется Великий предсказатель будущего.

— Извини! — вскидываю руки вверх. — Ладно, расскажи мне что-нибудь, чего я точно о тебе не знаю, — произношу я и делаю глоток колы.

— Хм... У меня есть правила. Не влюбляться, не целоваться и не заниматься оральным сексом, — с серьезным видом заявляет Рид.

Не ожидая услышать подобное, прыскаю колой и начинаю хохотать. Он же шутит так, да?

— Ну с первым пунктом все понятно — я уже влюблен в хоккей, — как ни в чем не бывало продолжает блондин. — Что касается второго пункта — поцелуи часто приводят к эмоциям, которые мне не нужны. Женщины любят целоваться, а потом начинают думать, что между нами может быть что-то большее, чем просто секс, — последнюю часть фразы он заговорщически шепчет, заставляя меня рассмеяться вновь. — Ну



и последний пункт, из-за которого я особенно грущу, — кретин театрально вздыхает и продолжает: — Лучшее, что есть в этой жизни, — минет. Это неоспоримо. Но, черт возьми, доставить удовольствие партнерше языком без каких-либо испытываемых к ней чувств довольно сложно, а заниматься оральным сексом в одностороннем порядке — дико эгоистично.

У этого парня не все дома. Серьезно.

— Значит, у тебя оральное воздержание? — продолжаю смеяться я.

— Да, я оральный монах, — печально вздыхает Рид.

Я смеюсь так сильно, что хватаюсь за живот. Чувствую, что у меня уже болят скулы, но ничего не могу с собой поделаться и продолжаю смеяться. Затем, спустя вечность, я наконец констатирую факт:

— Какой же ты придурок.

— Сексуальный придурок, — подмигивает мне Рид.

— Какое бы прилагательное ты ни решил употребить со словом «придурок», ты все равно будешь придурком.

— Твоя очередь, — усмехается Рид.

— Что ты хочешь обо мне узнать?

— Почему во время автограф-сессии ты предложила встретиться в моем номере?

— Мне было интересно, что ты ответишь.

— Почему?

— Потому что я твоя фанатка.

— И почему же ты тогда не пришла?

— Ты не интересуешь меня. Как мужчина.

— Ты же не...

— Нет, я не лесбиянка, — фыркаю я, закатив в очередной раз глаза.

— Это хорошо, — шумно выдыхает Рид, садясь в кресле и снова опираясь на локти. — Почему бы нам не переспать?